

Юлия Кувшинская
[1987]

СТУДЕНЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Школьное преподавание русского языка, как и вузовское преподавание в рамках дисциплин «Русский язык и культура речи», «Риторика», ориентировано на обучение языковым нормам. Нормой в лингвистике называют «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка, и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [Вербицкая 1984: 56]. Иначе говоря, норма — это «совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы» [Семенюк 1986: 17]. Как следует из обоих определений, особенно важно то, что норма — реализация не просто возможностей системы, но устойчивых, закрепленных в культуре определенного времени вариантов. Однако школьники и студенты, изучающие языковые нормы, живут в стихии естественной речи, узуса, который тоже являет собой набор реализаций системы языка, но эти последние не всегда совпадают с нормативными употреблениями. В результате расхождение между нормой и узусом становится одной из основных причин ошибок в речи (хотя и не единственной причиной), а так-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2016 году.

же предметом языковой рефлексии как самих учащихся, так и их родителей, многих носителей языка.

Типам ошибок, исследованию их причин, методам обучения русской грамматике и нормам письма посвящена обширная литература (см.: [Щерба 1931] и др.). В то же время ошибки как результат конфликта узуса и литературной нормы интересны не только для педагога, но и для лингвиста-исследователя, поскольку «именно в узусе, в речи конкретного носителя языка, зарождаются будущие изменения нормы, которые в отдаленной перспективе могут затронуть и систему языка» [Богданова-Бегларян 2015: 26].

Научный интерес к нарушениям литературной нормы начался, видимо, с появления в 1928 году работы Анри Фрея «Грамматика ошибок», которая была переиздана в 2006 году [Фрей 2006]. Фрей увидел в ошибках говорящих интересный лингвистический материал. Он утверждал, что норма исторически изменчива и именно ошибки указывают направление будущих изменений. Поэтому можно было бы представить себе своего рода «грамматику ошибок» — грамматику, описывающую изменения в языке, историю грамматических правил, типичные отклонения от изменившихся позже правил. Идеи Фрея в то время не были востребованы в полной мере, но постепенно важность «отрицательного» языкового материала (по выражению Л.В. Щербы [1931]), речевых неправильностей становилась все более очевидной для лингвистов.

Практически в те же годы Л.В. Щерба указывал на ошибки в речи как на признак живой, диалогической речи и говорил о ценности для исследователя как естественного отрицательного материала, так и лингвистических экспериментов в поисках границы нормы [Щерба 1931].

В середине — второй половине XX века многие речевые явления, неправильные с точки зрения кодифицированной нормы, стали предметом особого внимания

лингвистов. Это прежде всего детская речь (освоение ребенком норм «взрослой» речи, см. об этом в [Рахилина 2014]), а также устная разговорная речь (труды О. А. Лаптевой, Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Е. Н. Ширяева, Н. В. Богдановой-Бегларян и др). Однако и детская речь, и устная разговорная речь представляют собой особые речевые сферы, поэтому характер, типы ошибок (в детской речи), причины ошибок, очевидно, иные, отличающиеся от ошибок учащихся, осваивающих литературную норму [Русакова 2013].

Речевые сбои и ошибки как источник описания естественной, узуальной, или «антропоцентрической», т. е. ориентированной на говорящего, грамматики русского языка стали предметом исследования М. Н. Русаковой [Русакова 2013]. Используя примеры речевых сбоев, опираясь на лингвистический эксперимент, Русакова показывает, что «подавляющее большинство грамматических различий (в том числе и не различий с кодифицированной нормой. — Ю.К.) используется носителями языка для более или менее непосредственного выражения смысла» [Русакова 2013: 23].

Современный интерес к речевым ошибкам в целом лежит в русле функционального подхода к грамматике и базируется на usage-based подходе к языку. Поэтому одним из основных инструментов исследования «грамматики ошибок» являются языковые корпуса. Современные исследования узуальных норм активно ведутся на базе Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) (именно НКРЯ был, в частности, важнейшим источником данных для М. Н. Русаковой), а также на основе корпусов учебных текстов, прежде всего текстов таких говорящих, которые изучают язык как иностранный.

В то же время создаются корпуса текстов и других «нестандартных» говорящих [Mustajoki, Protassova, Vakh-tin 2010], [Рахилина 2014], в частности, исследуется речь

детей эмигрантов — носителей унаследованного от родителей русского языка [Полинская, Рахилина, Выренкова 2014], [Рахилина, Марушкина 2015].

Однако наиболее ценными для исследования современных тенденций развития языка нужно признать ошибки «стандартных» говорящих, обычных носителей языка. Задачу исследования их ошибок, выявление новых типов ошибок ставят перед собой учебные корпуса школьных и студенческих текстов, в частности Корпус учебных студенческих текстов (далее — КРУТ), разрабатываемый лабораторией по корпусным технологиям Школы лингвистики НИУ ВШЭ (http://web-corpora.net/learner_corpus) [Zevakhina, Dzhakupova 2014].

Корпус представляет собой разножанровое собрание текстов, которые пишут студенты разных факультетов, направлений, курсов в процессе изучения различных дисциплин. Тексты сопровождаются разметкой нескольких типов: 1) морфологической разметкой, принятой в любых корпусах, прежде всего в НКРЯ; 2) разметкой ошибок.

Разработчиками корпуса создана специальная классификация ошибок, характерных именно для студенческих текстов, в соответствии с которой и размечены тексты корпуса (подробнее см.: [Zevakhina, Dzhakupova 2014]). Собственно, ошибки составляют главный предмет интереса этого корпуса.

Дело в том, что вузовское обучение ставит перед студентом задачу не только овладения научными знаниями в определенной области, но и освоения соответствующего дискурса, и это представляет неизбежную трудность для большинства вчерашних школьников, в том числе и хорошо подготовленных. Приобретению новых коммуникативных компетенций, овладению новыми жанрами, терминологией, стилевыми разновидностями речи сопутствуют в том числе и ошибки, моменты неправильного выбора, непонимания. В то же время эти ошибки не

случайны. Разметчики КРУТа обнаруживают множество ошибок, присущих и другим носителям языка, частотных в письменной речи, даже и публичной. По большей части приходится говорить не о специфических ошибках, которые допускают студенты определенной специальности при обучении написанию профессиональных текстов, а о том, что, оказавшись в ситуации коммуникативной неуверенности, столкнувшись с непривычным дискурсом, студенты, как и другие носители языка, перестают справляться с некоторыми грамматическими, лексическими, семантическими, стилистическими правилами, даже если в более комфортной ситуации они легко справлялись с этим. Учитывая то, что эти правила обычно представляли трудность и в школьном обучении литературному русскому (например, употребление деепричастий и деепричастных оборотов, канцеляризм, глагольное и именное управление и др.), можно предполагать, что, если коммуникативная ситуация для человека оказывается неосвоенной, незнакомой, если человек использует новый для себя дискурс, он оказывается не в состоянии полностью контролировать свою речь именно в отношении тех правил, которые изначально были трудны для него, не породили глубокий речевой навык, вступали в противоречие с языковым чутьем.

Именно поэтому студенческие ошибки являются ценнейшим «отрицательным» лингвистическим материалом для выявления «неустойчивых» правил русской грамматики.

В данной работе будут выделены частотные современные ошибки. Специальное внимание будет уделено анализу употребления избыточных причастий. Исследование проводилось на базе КРУТа (прежде всего подкорпусы текстов студентов направлений «Филология», «Журналистика», «Менеджмент», «Экономика», «Логистика», «Право»); НКРЯ. Кроме того, мы использовали данные

поисковой системы Yandex, а также коллекцию ошибок, собранную автором работы в течение многих лет преподавания в НИУ ВШЭ (далее — КО).

Некоторые примеры из КРУТа содержат, помимо ошибок в употреблении деепричастий, и другие ошибки. Однако в данной работе не будем специально их комментировать, ограничившись только избыточными причастиями.

ЧАСТОТНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ОШИБКИ, ПО ДАННЫМ КРУТ

Среди наиболее частотных ошибок в письменной речи современных студентов есть традиционные, объяснение которых и упражнения на исправления которых входят во многие известные пособия и справочники по стилистике и культуре речи (см.: [Розенталь 2010], [Солганик, Дроняева 2002], [Голуб 2008], [Бельчиков 2012], [Федосюк и др. 2012]). Среди таких ошибок — неправильное употребление деепричастного оборота, тавтология, лексический плеоназм, канцеляризмы, ошибки в глагольном управлении в случае однородных сказуемых с зависимым существительным (например: *доверять и надеяться на этого человека*), неправильное употребление сравнительных союзов и сравнительной степени (см. об этом: [Рахилина 2015]) и многие другие.

Однако немало и таких ошибок, которые стали массовыми не так давно и пока еще не рассматриваются в пособиях. Мы назовем некоторые наиболее заметные и типичные:

- употребление отвлеченных (абстрактных) существительных *singularia tantum* во множественном числе. (Это подтверждается *анализами* стихотворений Лер-

монтова (КРУТ); Из всех **мудростей** автору почему-то запомнилась последняя... (КО)).

- употребление слова «также» в начале предложения (Таким образом, заметное влияние на современную русскую речь оказывают канцеляризмы. **Также** русский язык подвергается жаргонизации (КО)) (см. об этой ошибке: [Богданова-Бегларян 2015]).
- ошибки в употреблении неполнознаменательных (легких) глаголов (Текст **несет** самый общий характер; Около него (памятника. — Ю.К.) и **происходит финиш** массового забега (КО)).
- неразличение и ошибочное употребление местоимений *какой-либо* — *какой-нибудь* — *никакой* и т. п. (Словари синонимов могут помочь написать **какие-либо** письменные работы: эссе, рефераты, курсовые (КО)).
- неоправданная парцелляция (Мы все-таки должны сделать вывод о том, что реформа необходима. **Так как** очень важно для населения идти в ногу со временем (КРУТ)).

В данной статье будет рассмотрен один распространенный современный тип ошибок: употребление избыточных причастий.

ИЗБЫТОЧНЫЕ ПРИЧАСТИЯ

Причастия традиционно оказываются трудной глагольной формой как для школьников, так и для студентов. Причастия современного русского литературного языка (полные, с точки зрения диахронии — в местоименной форме) принадлежат сфере книжной, письменной речи, «по происхождению являются старославянизмами, что для действительных причастий настоящего времени видно уже по форме: несущий, лежащий» [Борковский, Куз-

нецов 1981: 275]. Поэтому школьнику и студенту требуются специальные усилия для овладения этими формами. Кроме того, причастие и причастный оборот представляют собой «свернутую» предикативную единицу внутри основной предикативной конструкции — предложения. Таким образом, причастие или причастный оборот вводят еще один факт, ситуацию, сопровождающую основное событие, названное в предложении. И семантически, и синтаксически предложение с причастием организовано сложнее, чем простое предложение, поэтому в школьной грамматике простые предложения с причастиями относятся к типу осложненных простых предложений. Всем этим обусловлены трудности учащихся в освоении употребления причастий.

Ошибки с причастиями многообразны, наиболее типичны — разрушение причастного оборота путем постановки определяемого им слова в середине оборота (*Прибывающий поезд на первый путь следует до станции «Международная»*), употребление неправильной грамматической формы причастий (например, будущего времени: *Участник, рисующий лучшую эмблему, получит приз*) и др. (об ошибках такого типа см. [Розенталь 2010], [Солганик, Дроняева 2002], [Голуб 2008], [Бельчиков 2012], [Федосюк и др. 2012]). Однако в последнее время стала нередко встречаться ошибка, состоящая в избыточном употреблении причастия:

- [1] Многие школьники выбрали тему о **существующих** традициях отношения к животным в разных странах мира (КО).
- [2] Обзор **существующих** академических работ о роли и статусе бизнес-образования, поможет прояснить ситуацию и ответить на **поставленные** вопросы (КРУТ).

- [3] *Стартовавший* летний атлетический сезон сейчас в самом разгаре и продлится до глубокой осени (КО) (в предшествующем контексте рассказывается о том, что в Норвегии стартовал сезон популярных забегов на длинные и короткие дистанции).
- [4] *экономический и социальный кризисы, вызвавшие острую криминализацию общества. Наступившее время вседозволенности не могло не оказать серьёзного влияния на язык. И выразалось это зачастую в шокирующей форме* (КРУТ).
- [5] *Вместе с этим на происходящие перемены в русском языке, есть свои логические объяснения: это может быть проникновение новых культур, течений, религий, а также отношения между странами или смена действующей* (КРУТ).

В этих примерах причастия «существующие», «поставленный», «желаемые», «стартовавший», «наступившие» излишни. В (1) и (5) можно предположить, что перед нами известная ошибка в порядке слов в причастном обороте. Тогда правильный вариант должен выглядеть так: (1) *Многие школьники выбрали тему о традициях отношения к животным, существующих в разных странах мира*; (5) *Вместе с этим на перемены, происходящие в русском языке...*

Однако даже правильно построенный причастный оборот в этих предложениях выражал бы избыточный смысл, поскольку из контекста ясно, что нет необходимости специально указывать на существование традиций разного отношения к хлебу (1) и что о переменах в состоянии русского языка речь уже шла (5).

В то же время подобные употребления причастий, особенно причастий *существующий, имеющийся* весьма частотно не только в студенческих работах, но и в текстах «взрослых» носителей русского языка, в частности, в СМИ и отчасти в научно-технической речи:

Примеры:

- [6] Многие производители собирают арбузы за 5–7 дней раньше положенного срока. Арбуз и в дороге продолжает дозревать, только на развитие семян расходуются сахара. И в итоге плод получается несладким. **Существующая** схема «пораньше сорвал — выгодней продал» устраивает всех. [НКРЯ: Комсомольская правда. 2014.07.23].
- [7] Впрочем, по мнению эксперта, в условиях высокой зависимости ЕС от газовых поставок есть существенная вероятность, что компромисс будет найден и **существующие** проблемы получится обойти. [НКРЯ: Известия. 2014.06.26].
- [8] Во-первых, **происходящее** старение ракетного и специального вооружения при значительном продлении их эксплуатационного ресурса накладывает на дежурные смены дополнительные нагрузки по контролю за состоянием вооружения и военной техники... [НКРЯ: Военная мысль, 2003.07.14].
- [9] Живя на кампусе, студенты автоматически включаются в университетскую жизнь и находятся всегда в курсе **происходящих** мероприятий. [НКРЯ: Богатей (Саратов). 2003.03.20].

Это дает основания думать, что мы имеем дело с устойчивым избыточным употреблением причастий.

Во всех примерах как из НКРЯ, так и из студенческих текстов говорящие сочли необходимым дополнительно указать на существование явления / предмета или на протекание некоторых процессов, событий, на наступление определенного периода в то время, как из контекста ясно, что о предмете речь уже шла, т. е. существование, протекание, наступление (разные экзистенциальные аспекты), очевидно, входят в пресуппозицию каждого из этих высказываний, и нет необходимости в специальном указа-

нии. В примере (2) излишне и причастие *поставленные*, поскольку речь идет о вопросах, уже выдвинутых ранее, иначе говоря, актуализованность этих вопросов также входит в пресуппозицию высказывания.

В чем же причина столь распространенной ошибки? Для чего говорящему нужно повторять информацию, данную в предшествующем контексте?

1. Одним из существенных отличий книжной, особенно научной, официальной речи от разговорной, бытовой, является ее связность [Культура русской речи 1998], в том числе множество способов и средств референции, т. е. соотнесения слов и высказываний с предметом речи, с реальностью, а также часто — с предшествующим контекстом, в котором уже шла речь о данном предмете. Во многих примерах, в частности, в 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, была бы уместна референция или с помощью местоимений *этот, такой*, или с помощью средств, включающих указание на приблизительное место, которое в тексте занимает антецедент (слово, к которому мы даем отсылку): *обозначенные выше, перечисленные выше, поставленные выше*.

Очевидно, человек, недостаточно освоивший книжную речь, пытаясь осуществить референцию к предшествующему контексту, сделать текст максимально связным, логичным и точным, из-за отсутствия достаточного опыта допускает гиперкоррекцию, причиной которой становится излишнее употребление причастий, отсылающих к предшествующему контексту.

2. Есть основания полагать, что в некоторых примерах активное употребление избыточных причастий вместо местоимений или других средств референции вызвано желанием актуализировать экзистенциальную семантику, присущую большинству этих конструкций, т. е. сделать акцент на том, что явление существует, событие происходит (6, 7, 9). Таким образом, свернутая предикативная единица выполняет свою функцию и действительно вво-

дит еще одно, дополнительное суждение в высказывание. Видимо, говорящему важно акцентировать обсуждаемое явление как одну из возможностей, и для этого он использует свернутую предикацию с экзистенциальной семантикой, имитируя стратегию введения в рассмотрение [Янко 2001]. Примечательно, что во всех этих примерах, а также в примере (10), речь идет либо об одной из возможностей (одно из мнений — 10, одна из схем продажи — 6), либо о явлении, которого могло бы не быть (7). Таким образом, видимо, существование предмета, явления кажется говорящему не само собой разумеющимся, поэтому избыточное указание на существование представляется уместным. В действительности, конечно, акцентировать существование одной из возможностей или негативного, недолжного явления, выразить отношение к этому явлению и необходимо, и можно было сделать в предшествующем контексте, что позволило бы избежать избыточности.

[10] *Прежняя система подразумевает двойную сертификацию ученика на этапе перехода из школы в ВУЗ. Помимо **существующего** мнения о том, что ЕГЭ — это улучшенный способ проверки знаний, противники экзамена в тестовой форме против такого подхода (КРУТ).*

3. Еще одна причина введения в высказывание избыточных причастий обусловлена кванторным характером многих из этих глагольных форм — прежде всего причастий **существующий, имеющийся**. Есть примеры, в которых избыточное причастие можно заменить на местоимение *весь, любой, никакой* (11–14). Нередко в таких примерах причастие сочетается с местоимением *все, любые* (11–12), таким образом, все сочетание (*все имеющиеся, все существующие*) может быть заменено на *любые, все* (11, 12).

- [11] *Всё имеющиеся у вас вопросы по жилищному праву вы можете присылать по адресу редакции или по e-mail: birzha_red@birzharplus.nnov.ru. [НКРЯ: Биржа плюс свой дом (Н. Новгород). 2002.05.20].*
- [12] *Эксперты МВД сообщили, что все существующие признаки лицензионности, в том числе голографические знаки, давно и успешно подделываются и от них лучше вообще отказаться. [НКРЯ: Известия. 2002.10.03].*
- [13] *В заявлении суду представитель Министерства юстиции США заявил, что существовавшие ограничения больше не защищают общественные интересы в области конкуренции и их нужно отменить. [НКРЯ: Computerworld. 2004].*
- [14] *В настоящее время любой человек может с высокой долей вероятности получить интересующую информацию о нужном человеке абсолютно законным способом, никуда не обращаясь, и не ожидая, пока данные будут сформированы и выданы. (Яндекс: <http://kakimenno.ru/komputery-i-sotovye/sotsialnye-seti/599-kak-uznat-informaciyu-o-cheloveke.html>).*

Глаголы *существовать, иметься* так же, как и местоимения *весь, любой, никакой*, относятся к кванторным словам, т.е. к словам, дающим количественную характеристику некоторой области предметов (см.: [БСЭ 1973: 1803], [Литвин 2005: 201]), выделяющим некоторую совокупность предметов на основе некоторого свойства [Богуславский 2005]. То, что причастия в наших примерах могут быть заменены на кванторные местоимения, и то, что в части примеров в именную группу наряду с причастием входит квантор *все*, указывает на то, что кванторная функция у рассматриваемых причастий в данном случае оказывается центральной: говорящий хочет количественно охарактеризовать предметы, о которых идет речь. Примечательно, что в кванторной функции могут выступать и

причастия от таких глаголов, которые сами по себе не являются кванторами, например, *интересовать* (о кванторном употреблении некванторных слов см.: [Литвин 2005], [Кустова 2005] и др.).

Однако глаголы *существовать*, *иметься* и местоимения *все*, *любой* — это кванторы разного типа. Первые выделяют область предметов на основе признака существования, наличия (квантор существования), вторые — на основе соотношения со всей совокупностью объектов данного класса (квантор всеобщности). Видимо, поэтому авторы высказываний предпочли сохранить избыточное причастие, не заменяя, а в некоторых случаях дополняя контекст кванторным местоимением.

Указывая на реальное или потенциально возможное существование предмета обсуждения, автор высказывания соответственно выделяет этот предмет и характеризует его как в некоторой степени конкретный, известный самому говорящему (в логике кванторы существования соответствуют частным суждениям [Кобозева 2012: 231]). Автор высказывания показывает, что он так или иначе может исчислить совокупность предметов, знает или готов учесть, а в некоторых контекстах — и контролировать объекты данного класса. Добавление кванторного местоимения *все* распространяет свойство известности, существования на весь класс объектов. В то же время обсуждаемая совокупность предметов оказывается ограничена существующими, имеющимися, представленными, интересующими предметами.

При замене причастия на местоимение этот эффект слабеет, высказывание принимает общий характер:

Ср.:

[11a] **Любые** ваши вопросы по жилищному праву вы можете присылать по адресу редакции или по e-mail.

[12a] Эксперты МВД сообщили, что **все** признаки лицензионности, в том числе голографические знаки, давно и

успешно подделываются и от них лучше вообще отказаться.

[13a] *В заявлении суду представитель Министерства юстиции США заявил, что никакие ограничения больше не защищают общественные интересы в области конкуренции и их нужно отменить.*

[14a] *В настоящее время любой человек может с высокой долей вероятности получить **всю** / **любую** информацию о нужном человеке абсолютно законным способом, никуда не обращаясь и не ожидая, пока данные будут сформированы и выданы.*

Дело в том, что семантика местоимений *все, любой* предполагает, что в круг квантифицируемых ими объектов попадают и потенциальные, т. е. те, которые могут существовать, но неизвестны говорящему:

все, всех, мн. — В полном составе, без исключения [МАС 1999]

любой — Всякий, каждый. Какой угодно (на выбор). [МАС 1999]

Таким образом, утверждая что-то обо всей совокупности предметов, автор рискует выйти за пределы своей компетенции. Видимо, этим и обусловлен выбор избыточных, но недвусмысленно излагающих суть дела форм.

Иначе говоря, употребление избыточных причастий в данных примерах обусловлено желанием выразить специфический смысл: охарактеризовать все предметы данного класса (существующие или имеющиеся в наличии, обсуждаемые) как известные говорящему или потенциально ему подвластные.

Нельзя не отметить, что необходимость выражения такого значения в современной речи возникает в академических, технических и официальных текстах из необ-

ходимости указать на экспертный характер оценки, владение говорящим ситуацией, его компетентность. Кроме того, есть контексты, где важно подчеркнуть возможность выбора, разнообразие выбора и готовность говорящего предоставить адресату выбор возможностей (11, 14), т. е. также владение всем классом выбираемых предметов.

Тем не менее избыточные причастия в этих случаях, как и в случаях, рассмотренных выше, необходимо считать ошибкой, поскольку 1) дополнительное указание на существование остается необоснованным; 2) в русском языке есть специальные способы указания на степень известности предмета рассмотрения говорящему — прилагательное *известный*, причастие *действующий* и др., указание периода, ограничивающего существование и функционирование предмета обсуждения (Ср.: *все известные на сегодняшний день признаки лицензионности; действующие до сих пор ограничения*).

Употребление подобных причастий оправдано в таких контекстах, где действительно речь идет о существовании, наличии предметов, где прямо или имплицитно содержится противопоставление существующего в настоящем и возможного в будущем или бывшего в прошлом; имеющегося или отсутствующего:

[15] *Модели позволяют более точно определить эффективность существующих и разрабатываемых средств защиты от моделируемых информационных атак. [Информационные технологии. 2004].*

[16] *Надо добавить, что выход массового инвестора на рынок потребует от брокеров коренного пересмотра представления об интернет-трейдинге и разработки совершенно новой инфраструктуры, так как ни одна из имеющихся систем не в состоянии обслуживать миллионы счётов в реальном времени. [Известия. 2001.10.29].*

- [17] Деятельность хакеров побуждается, судя по **имеющимся** данным, как бескорыстным любопытством и страстью к познанию нового (что соответствует внутренней мотивации), так и стремлением к приобретению жизненных благ, укреплению авторитета, мести реальным или вымышленным врагам и т. п. (что соответствует внешней мотивации). [Вопросы психологии. 2003].
- [18] Все **существующие** на сегодняшний день модели сотовых телефонов предусматривают возможность смены языка интерфейса пользовательского меню на русский. [<http://mdforum.ru/showthread.php?t=4336>].

Однако стоит заметить, что по причине частотности употребления причастий *существующий, имеющийся, представленный, происходящий* и т. п. они, очевидно, постепенно приобретают статус официально окрашенного клише и используются в других сферах речи, уже не всегда уместно и оправданно.

4. Все рассмотренные избыточные употребления причастий, независимо от причин этих ошибок, прежде всего, обусловлены книжным и официальным стилем речи, который, видимо, недостаточно глубоко освоен авторами текстов; нередко и стремлением к сугубой официальности.

В этом отношении интересен пародийный пример В. Войновича, сатирически изобразившего избыточное использование причастий в канцелярской речи:

- [10] ... Как сообщил впоследствии членам своего правления Председатель Турганов, 26 апреля 1973 года в кооперативе имел место очень прискорбный факт. Произошло чрезвычайное происшествие, выходящее за рамки нашей морали. А именно: утром указанного дня два человека вытащили из подъезда № 7 предмет, напоминавший диван-кровать, и потащили его к подъезду № 4.

О происходящем передвижении людей и вещей тут же было доложено Председателю. И когда два человека с указанным выше предметом вломилась в подъезд № 4, лифтёрша уже оправдывалась по телефону: — Да, въезжают! А что я могу с ними сделать? [Владимир Войнович. «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» (1976)].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Употребление избыточных причастий вызвано гиперкоррекцией при освоении книжной, особенно научной и официальной речи. Как правило, ошибка состоит в том, что стремясь осуществить референцию к предшествующим частям текста, говорящий использует избыточные для данного контекста и во многих случаях чрезмерно книжные средства — причастия. Другая нередкая причина ошибки — видимо, желание дополнительно актуализировать существование предмета, явления, по причине того, что явление, предмет представляются не единственно возможными в своем роде.

В то же время иногда избыточное употребление причастий связано и с кванторным характером многих из них (прежде всего, причастий от глаголов *существовать*, *иметься*). Предпочтение избыточных причастий в таких случаях обусловлено стремлением говорящего показать, что все объекты данного класса ему так или иначе известны или что он имеет в виду только известные и существующие объекты данного класса. В результате говорящий демонстрирует свою компетентность или ограничивает сферу своей ответственности.

За рамками данной работы остались некоторые другие частотные в студенческих и профессиональных текстах, а также текстах СМИ типы ошибок в употреблении при-

частий, в частности, употребление причастного оборота вместо отглагольного существительного, в результате чего меняется коммуникативная структура и смысл высказывания:

Последние несколько лет мы наблюдаем растущий интерес к вопросу использования опасных химических веществ в продуктах электроники...

(речь идет о том, что наблюдается рост интереса к вопросу).

Литература

- [БСЭ 1973] — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 11. М., 1973.
- [Бельчиков 2012] — Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2012.
- [Богданова-Бегларян 2015] — Богданова-Бегларян Н. В. Агрессивный узус — или эволюция языковой нормы? // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 25–31.
- [Богуславский 2005] — Богуславский И. М. Валентности кванторных слов // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 139–165.
- [Борковский, Кузнецов 1981] — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- [Вербицкая 1984] — Вербицкая Л. М. Вариантность современной произносительной нормы и культура речи // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Р. Р. Каспранский. Горький: Горьковский гос. пед. инт-т им. М. Горького, 1984. С. 53–60.
- [Голуб 2008] — Голуб И. Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М.: Эксмо, 2008.

- [Культура русской речи] — Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
- [Кустова 2005] — Кустова Г. И. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 295–305.
- [Кобозева 2012] — Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
- [Литвин 2005] — Литвин Ф. А. Кванторы и слова // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 201–206.
- [МАС 1999] — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- [Полинская, Рахилина, Выренкова 2014] — Полинская М., Рахилина Е. В., Выренкова А. С. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.
- [Рахилина 2014] — Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под науч. редакцией М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна и др. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.
- [Рахилина, Марушкина 2015а] — Рахилина Е. В., Марушкина А. С. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный русский») // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. XI. № 1. С. 621–639.
- [Рахилина 2015б] — Рахилина Е. В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 310–333.
- [Розенталь 2010] — Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-Пресс, 2010.
- [Русакова 2013] — Русакова М. Н. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- [Семенюк 1986] — Семенюк Н. Н. Норма и разные типы диффе-

- ренциации языка // Общелитературный язык и функциональные стили. Вильнюс: Мокслас, 1986. С. 15–24.
- [Солганик, Дроняева 2002] — Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи. М.: Академия, 2002.
- [Федосюк и др. 2012] — Федосюк М. Ю., Ладыженская Т. А., Михайлова О. А., Николина Н. А. Русский язык для студентов-нефилологов. Учебное пособие. М.: Флинта, 2012.
- [Фрей 2006] — Фрей А. Грамматика ошибок. М.: Комкнига, 2006.
- [Щерба 1931] — Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Памяти учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ // Изв. Отд. 1931. № 1. С. 113–129. <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba3.htm> (доступ от 6.10.2016).
- [Щерба 1957] — Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 56–62.
- [Янко 2001] — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- [Mustajoki, Protassova, Vakhtin 2010] — Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian // Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. С. 5–17.
- [Zevakhina, Dzhakupova 2015] — Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian student texts: design and prospects // Материалы 21-й Международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2015.